

Настороженная доверчивость

Тобою полон и тебя лишен,

Мой верный взор неверный видит сон.

/ Уильям Шекспир. Сонет 113 /

- Ты понимаешь, что ты меня убил? - с трудом сдерживая негодование, задала риторический вопрос своему взрослому отпрыску Дарья Никитовна Безяева.

Она с легкостью выпрыгнула с кресла и принялась вышагивать по комнате Константина, двадцатипятилетнего сына, который сидел за рабочим столом, полуобернувшись к возмущенной матери, посмеившей оторвать его от философских размышлений. До ее появления он подпирал кулаками щеки, смотрел в окно и думал о своем безрадостном настоящем.

- Ты понимаешь это? – повысила голос мать, статная брюнетка с короткой стрижкой, но на визг не перешла. Она продолжила свое перемещение по ограниченному пространству, пристально изучая рисунок на ковре, но все же скользнула взглядом по притихшему сыну.

Когда Дарья Никитовна приближалась к Косте, тот задерживал дыхание, словно бездыханность позволяла стать невидимым. Как ни крути, но надо что-то отвечать, привести разумные доводы в свою защиту. Можно, но желание не возникло. Сейчас что-то доказывать матери – все равно, что разговаривать с неодушевленным предметом. К тому же внутри парня поселилась обида: он ни в чем не виноват, а она...

Впрочем, ничего удивительного – он всегда крайний.

Дарья Никитовна опять рухнула в кресло и приложила ладонь ко лбу, как будто решила проверить температуру простейшим способом. Ее лицо пылало пожаром, даже уши покраснели до неприличия.

Собственная обида на мать слегка отступила, выпятив на первый план жалость. Костя крутанулся на офисном стуле, соскочил с него и направился к матери. Присел перед ней на корточки и хмуро заметил:

- Можно подумать, в нашем доме живем только мы с тобой.

- Ты намекаешь на то, что картину могла подменить Анна Ивановна, наша домработница? – отбила такт словами расстроенная мать и с укором взглянула на сына. – Если ты забыл, то я тебе напомню – Анна Ивановна живет в нашем доме более десяти лет, она кристально честный человек... Не надо судить всех по себе, - обреченно добавила она.

- Плохое воспитание, - хмыкнул сын. Поднялся и последовал примеру матери - заходил по комнате пружинистой походкой. Был он невысокого роста, худощав и некрасив. Собственную внешность Костик ненавидел и часто размышлял: Ну, в кого, в кого он ТАКОЙ уродился?! Покойный отец был под два метра ростом, мать тоже не дюймовочка, причем оба не сказать, что первые красавцы, но внимание привлекали. Особенно, когда появлялись где-то вдвоем. А он, Костик, замухрышка по сравнению с родителями. Мать говорила, что он копия деда, ее отца, которого парень видел только на фотографии – дед умер задолго до его рождения. Был дед «метр сорок в кепке и в прыжке», но женщины его обожали. Бабка сама рассказывала, что муж обладал магическим обаянием, женщины сами на него вешались, а он не мог устоять перед их напором. Выходит, постоянно изменял супруге, та об этом догадывалась, но прямых доказательств не имела – хитрый был мужик. Ко всему не обделял ее заботой и вниманием. Так говорила сама бабуся. И рассуждала о прошлом: «И что мне было делать? Искать доказательства его неверности? А зачем? Допустим, найду эти самые доказательства, и что дальше? Разводиться? Или ставить ультиматумы? Ни то, ни другое не подходит: жизни без Никиты себе не представляла, потому как безумно любила, а что-то требовать у него бесполезно, наобещает в три короба, выставит меня дурой и станет жить как жил, только я не угомонюсь, начну рисовать в уме разные картинки, одна другой краше».

И еще бабуся вспоминала известную поговорку: «Горбатого могила исправит...» Так и вышло...

Костик магическим обаянием не обладал, но мечтал о большой любви. В отличие от легкомысленного деда он будет предан своей возлюбленной и верен ей до гробовой доски. Как в сказке – они жили долго и счастливо и умерли в один день.

До определенного момента мечты так и оставались несбыточными мечтами. У Константина с противоположным полом были большие проблемы. В компаниях он глупел на глазах, язык деревенел, а если находил силы открыть рот, то нес полную чушь. Как будто в него одновременно

вселялся идиот в квадрате. Иногда Костик пытался острить, но выходило не смешно. Желая прервать затянувшуюся паузу, он сам закатывался смехом, желая найти поддержку, но на него смотрели с удивлением, если не сказать – с опаской, как будто он только что сбежал из психушки и старается изобразить из себя умника-остроумника.

Мать успокаивала: на любого человека рано или поздно найдется свой ценитель. Тем самым дав понять, что ум ее сына по достоинству оценит умная женщина, которая ему и нужна. Оценит и полюбит.

И Костик такую женщину встретил.

Но на этом проблемы не закончились. Теперь следовало выбрать момент и сообщить матери об изменениях в личной жизни. Все-таки решился, ни капельки не сомневаясь, что начнется допрос с пристрастием. После допроса мать выскажет желание познакомиться с избранницей сына...

Костик выбрал момент через два месяца после встречи с Алевтиной Войченко. Все это время он размышлял, готовил убедительную речь, прорабатывал возможные материнские вопросы с уточнениями и пытался найти обтекаемые ответы. Далее вступительного слова, возможно, чересчур пафосного: «Мам, наконец, в мою жизнь вошла та девушка, о которой ты мне говорила!» - парень не пошел. И что делать?

Чем дальше буду оттягивать объяснение с матерью, тем сложнее будет сообщить новость, - подумал Константин и тут же направился к родительнице для разговора. Все-таки начал с вступительного слова, набившего оскомину. После чего замолк и приготовился отвечать на вопросы, которые тут же последуют...

Надежды сына не оправдались, подтвердились худшие опасения. Но это случилось позже, когда Костик привел Алевтину в дом. В день неожиданных откровений мать только лишь поинтересовалась, как зовут его избранницу, сколько ей лет и где она учится – мысли матери витали где-то далеко. Едва Алевтина переступила порог их дома, Костик уловил в материнском взгляде презрительное напряжение, словно он привел в дом уличного косматого пса в репьях и лишаях. Да, она пригласила гостью к столу, даже вела непринужденную беседу и даже улыбалась. Но от таких улыбок людям хочется бежать без оглядки или у них начинается нервный тик. Гостья старательно отводила взгляд от хозяйки дома, из-за охватившего ее волнения, потому и не замечала... «участия» в ее судьбе. Через час – больше

Костик не выдержал - он увел девушку, бросив напоследок слишком откровенный взгляд на мать, которая вышла их провожать с каменным лицом: то ли боялась выказать счастье избавления, то ли тщательно скрывала неприязнь. Скорее – и то, и другое.

Молодые люди собирались пойти в кино, но у Костика пропало настроение. И разболелась голова: умный мальчик понимал, какую моральную взбучку он получит от матери по возвращению. Поэтому не стал откладывать то, что должно было случиться. Проводил девушку до дома и отправился в обратный путь.

Мать не отказала себе в удовольствии и выложила всё, что думает об этой «самозванке из училища», причем сказано было таким тоном, как будто училище готовит девушек с низкой социальной ответственностью. На самом деле избранница сына училась в училище искусств, готовилась стать художником-модельером. Костику не хотелось делать выбор между двумя любимыми женщинами, он попытался сгладить острые углы и втиснулся со своей историей знакомства с Алевтиной, о которой почему-то умолчал в день неожиданных откровений – вероятно, упустил от сильного волнения.

Итак, дело было два месяца назад. Какой-то парень решил подкатить к Алевтине дерзко и нагло, а проходивший мимо Константин вступился за девушку. Хам был выше на голову и имел широкие плечи, но заступника данные характеристики не испугали. Однако хам не знал, что в прошлом заступник занимался боксом, потому уложил самонадеянного нахала одним выверенным ударом.

Девушка смотрела на защитника с таким открытым восхищением, что тот сразу почувствовал себя супергероем. Да что там супергероем – он остался самим собой. Мог спокойно общаться, мог остроумно шутить и открыто улыбаться.

Не сговариваясь, они двинулись по аллее парка. Долго гуляли и болтали на разные темы. Им было невероятно хорошо друг с другом...

И вот прошел еще месяц. Мать не заводила разговор о Алевтине, Костик тоже помалкивал. Видимо, мать надеялась, что сын со временем одумается, примет ее слова к сведению. Твердить одно и тоже она считала неразумным – сделает только хуже, вызовет в сыне тайный протест с неминуемыми последствиями.

Любовь к Алевтине не прошла. Костик страдал и мучился...

- Всё было нормально, пока ты не связался с этой девицей, - без всяких эмоций заявила мать, как будто выбор сына ее более-менее устраивал, но она, как всякая любящая мать единственного сына, не могла его одобрить без незначительной перепалки с упором на характеристики разного свойства. Мать догадалась, куда в данный момент направлен мыслительный процесс ее сына, и не преминула в который раз напомнить ему, что невеста «не пришла ко двору». Мальчик успел получить одно высшее образование и замахнулся на второе. Уже летом у него будет второй «красный» диплом, мать в этом нисколько не сомневалась. Пожелает учиться дальше, пожалуйста: Дарья Никитовна владеет сетью парфюмерных магазинов, семья не бедствует.

Костику казалось, что в последнее время с бизнесом у матери не всё так гладко. Все его вопросы оставались без ответа, она лишь отшучивалась, говорила привычное «не дождётся!» Однако Костика не обманешь. Ему хотелось как-то помочь, почувствовать себя мужчиной, но мать привыкла все вопросы решать сама.

Константину надоели нападки, он взорвался:

- Эту, как ты говоришь де-ви-цу, зовут Алевтина. Напоминаю для тех, кто страдает провалами в памяти.

- Не дерзи матери! Раньше ты никогда не разговаривал со мной в таком тоне. Она плохо на тебя влияет, - сквозь зубы процедила Дарья.

- После знакомства с Алей ты назвала ее бесхребетной - ни рыбой-ни мясом, теперь вдруг заявляешь, что она плохо на меня влияет! Ты уж определись.

- В тихом болоте черти водятся, - подумав, бросила Дарья Никитовна.

- Аля не из таких.

- Много ты понимаешь в девушках, подобных этой... девице. У нее на уме одно – выскочить замуж за обеспеченного парня. И не повторяй, как попугай, – Аля не такая!

- Нам не нужны твои деньги, - спокойно сказал Костик. – Скоро я получу диплом, устроюсь на работу, мы снимем квартиру и поженимся.

- Вот значит какие у вас далеко идущие планы! А мое мнение здесь не учитывается?

- Мам, в тебе говорит ревность. Да, я люблю Алю, а она любит меня. Да-да, любит, - подтвердил Костик, уловив желание матери вступить в очередной спор. – Ты ее плохо знаешь, а когда узнаешь поближе, то...
- Я не хочу... сейчас это обсуждать, - выкрутилась мать, сменив на ходу окончание начатой фразы. – Сейчас на повестке дня один важный вопрос – хочу выяснить, кто подменил подлинник картины на копию.
- Ни я, ни тем более Алевтина этого не делали. Она была в этом доме всего один раз.
- Да, один, но картина ее очень заинтересовала. Я это видела своими глазами – она в нее так и впиалась взглядом.
- Потому что она сама неплохо пишет пейзажи, вот и заинтересовалась работой известного мастера. Ничего удивительного или подозрительного в этом нет. Моя Аля очень талантливая! – восхищенно заметил Константин, а мать скривилась, как будто слопала лимон без сахара. Но взгляд тут же просветлел:
- Талантливая, говоришь? Тогда у меня больше нет вопросов, и так всё ясно. Твоя Аля, - с иронией изрекла Дарья, - могла тайно сфотографировать картину, сделать копию, весьма удачную, раз она такой талант, и подменить с твоей помощью. Ты соучастник преступления, - сверля сына взглядом, задумчиво протянула мать. Естественно, в голосе не было никакой уверенности, лишь ожидание четкого и убедительного ответа. Ответ уже имел место быть, но она посчитала его не убедительным.
- Мам, откуда ты узнала, что на стене висит копия? - задал резонный вопрос Костик, не удостоив мать никаким ответом.
- У меня... небольшие проблемы в бизнесе, - наконец призналась она. – Чтобы их решить, я хочу продать картину и кое-какие безделушки. На картину нашелся покупатель, он привел эксперта и тот заявил, что это подделка. Но и я, и ты - мы оба – знаем, что картина известного художника – подлинник. Она передавалась в нашем роду из поколения в поколение. Даже в трудные времена ни у кого из наших предков не поднялась рука ее продать...
- Вот именно – ни у кого! - перебил сын. – А ты вдруг надумала! Кто тебе в уши надул? Твой Данила?

- Данила знает о моих проблемах, он хотел продать свою квартиру, но я отказалась принимать от него такую жертву, чтобы не попадать в зависимость.
- А ты не подумала, откуда «растут ноги» у подобных предложений? Твой Данила втихаря подменил подлинник на копию, думал, что все будет шито-крыто, а тут вдруг... такая незадача – картину решили продать.
- Не нужно голословно обвинять Данилу. Он человек серьезный, не такой легкомысленный, как... некоторые. И вообще...
- Снова-здорова! – всплеснул руками Костик, не дослушав.

Мать продолжила как ни в чем ни бывало:

- У Данилы серьезные намерения относительно меня. Он давно предлагает мне выйти за него замуж. Он меня по-настоящему любит.
- Серьезный человек, серьезные намерения, - пробубнил себе под нос взрослый сын. Опомнился и вкрадчиво поинтересовался, - и ты согласилась выйти замуж за этого... серьезного человека?
- Я пока не готова.
- Что? Полюбить? Или замуж за него пойти?

Дарья Никитовна отмахнулась и обратила взор за окно. За окном бушевала непогода. Начало марта больше походило на грустный ноябрь с его снегом, дождем, тем и другим одновременно. Постоянным было одно - порывистый ветер, не прекращающийся ни днем, ни ночью. Ветер гнул голые деревья и настойчиво барабанил в окна особнячка из двух этажей с мансардой. Комната сына располагалась как раз в мансарде, поэтому виднелись только верхушки деревьев, которые то вихлялись перед большим мансардным окном, то вовсе исчезали. Серое небо наводило жгучую тоску.

- Тебе, Костя, лучше честно во всем признаться, - после затянувшейся паузы изрекла мать. – Я... постараюсь тебя понять... Лучше горькая правда, чем сладкая ложь.
- Ты говоришь мне об этом с детства. Неужели ты до сих пор не поняла, что твоему сыну ложь претит?! Я не люблю врать и не имею этого делать... И кому об этом знать, как ни тебе, моей матери?!
- Люди меняются под действием обстоятельств или под действием других людей, которые используют их в своих корыстных интересах.

- Мам, я тебе клянусь, что Аля – хочу повторить твои же слова в адрес Анны Ивановны - кристально честный человек.

- Может быть. Но и у кристально честных, всю жизнь проживших в нищете, рано или поздно появится желание выбраться оттуда при помощи неблагоприятного поступка. Возможно, спустя время человек пожалеет о содеянном, но будет уже поздно – жизнь покатила по наклонной, репутация испорчена, в личном деле имеет судимость. Я не стану придавать дело огласке, при условии, что наша семейная реликвия вернется на положенное ей место. Если честно, то я даже благодарна твоей Алевтине: у меня было время на раздумье, поэтому я передумала продавать картину. Найду другой способ выкрутиться из сложившейся ситуации. Возьму кредит в банке, в конце-то концов.

- Мам, ты меня не слышишь?! Мы не брали картину! Не бра-ли! Выходит, ты веришь кому угодно, своему молодому любовнику, домработнице, а своему сыну ты не веришь! – запальчиво высказался Костик. Схватил куртку, которая странным образом перекочевала из прихожей в мансарду, и выскользнул из комнаты.

Мать открыла рот, чтобы остановить сына, но того и след простыл.

Вскоре с улицы донесся мотоциклетный рокот. Дарья подошла к окну и увидела, как Костик выезжает со двора. Ворота автоматически закрылись, отрезав мать от сына.

Как оказалось, навсегда...

Костик превысил скорость на скользкой трассе, его выбросило на обочину. Мотоцикл вместе с водителем несколько раз перевернулся, в итоге врезался в бетонный столб. Не прошло и нескольких секунд, как гонщик вместе с мотоциклом был охвачен пламенем...

Алевтина присутствовала на похоронах. Подошла к убитой горем матери, выразила соболезнование, но женщина ничего не сказала в ответ, она никого не слышала и ничего не понимала. От горя Дарья оглохла и на время потеряла разум. В голове постоянно звучал голос сына, его последняя фраза: «Своему сыну ты не веришь!»

После трагедии прошло полгода.

Несмотря на тяжелое моральное состояние и не проходящую душевную боль, Дарье Никитовне удалось восстановить бизнес. Картина – семейная реликвия - бесследно пропала, копию Дарья спрятала подальше, что не мозолила глаза и не напоминала о глупой ссоре с сыном, приведшей к ужасной трагедии.

Автомобилем всегда управлял гражданский муж Данила Пупков, но через месяц после гибели Костика Дарья выставила Данилу за порог. Молодой мужчина слишком настойчиво уговаривал выйти за него замуж. Эти уговоры начались еще при жизни Константина. Когда сына не стало, уговоры стали напористыми до неприличия. Вероятно, гражданский муж решил, что он становится единственным наследником. Других родственников у будущей супруги давно нет, теперь не стало сына. О корысти, бессердечии и непонимании открыто заявила Дарья своему «нареченному». Тот начал бубнить о большой и светлой любви, о своем бескорыстии и желании стать ее надеждой и опорой...

Чаша терпения переполнилась.

Как она могла ТАК ошибаться в человеке? Как могла его полюбить? Конечно, Данила был привлекательным мужчиной, высоким, с красивыми по-детски припухшими губами, озорными глазами, подвижными бровями и точеным носом. Сочетание несочетаемого сыграли с Дарьей злую шутку – она влюбилась в мальчика-мужчину. Данила не сюсюкал, не лебезил, не изображал из себя беспробудно влюбленного. Не твердил о любви круглосуточно. Он доказывал свою любовь делами и поступками. Так, по крайней мере, ей казалось до сих пор.

Данила был старше сына на десять лет, и моложе своей избранницы на пятнадцать. Естественно, сыну их отношения, стремительно развивающиеся, не нравились. Но он привык помалкивать, потому как считал мать женщиной разумной, которая семь раз отмерит и один раз рубанет.

Незаметно Данила прижился в их доме. К Костику с разговорами не лез, не пытался установить контакт. И не глядел на него с победным видом. Чувства к любимой женщине при нем не выказывал, хотя, та его об этом и не просила – сам догадался. Данила, вообще, был не глупым и не болтливым.

Со временем между двумя любимыми мужчинами Дарьи установились если не дружеские отношения, то дипломатически-уважительные. У них даже нашлись общие темы для обсуждения – бокс и хоккей.

До встречи с Дарьей Данила работал в рекламном агентстве. Когда Дарья в очередной раз устроила на дороге аварийную ситуацию, Пупков обеспокоился ее «водительским кретинизмом» и возможными последствиями и предложил себя в качестве постоянного водителя. Она вынуждена была согласиться: да, опыт с практикой так и не пришел. Даша не могла сосредоточиться на дороге, постоянно отвлекалась на посторонние вещи, уходила в обдумывание своих насущных проблем – в общем, напряженная дорожная обстановка ее занимала так же мало, как нелюбимая кулинария, от которой могла пострадать пищеварительная система едоков. Для этой цели у нее была Анна Ивановна с очень подходящей фамилией Пекарь.

Данила Пупков был не последним человеком в своем рекламном агентстве, причем работа приносила ему неплохой доход и удовлетворение. Но ради Дарьи пожертвовал всем. Дарья жертву приняла, но для порядка поспорила, предложила нанять в качестве водителя постороннего человека с хорошими рекомендациями. Данила Пупков возражения тотчас отменил...

После расставания с Данилой Дарья взяла на работу молодого парня, Николая Колесника, профессионального водителя. Николай был сыном ее давней знакомой, он недавно вернулся в родной город после службы в армии. Коля сразу показал себя ответственным и серьезным. А большего Дарье и не требовалось.

Август, а затем и начало сентября выдались дождливыми и прохладными. Детишки пошли в школу в куртках и сапожках, чего отродясь не случалось в их регионе. Но через неделю погода резко изменилась.

В тот знаменательный для Дарьи день – об этом она пока не догадывалась – на голубое небо, наконец-то, выползло яркое солнце и порадовало всех без исключения. Но с появлением дневного светила на улице стало невыносимо душно.

Некоторое время Безяева стояла на пороге офисного здания, полюбовалась безоблачным небом, ярким солнцем, улыбающимися прохожими, после чего поспешила к автомобилю. Автомобиль встретил ее кондиционированной прохладой.

В салоне тихо играла музыка. Дарья сидела на заднем сидении и наблюдала через окно за городской жизнью. Для комфорта сбросила туфли, пошевелила

пальчиками и растянула губы в блаженной улыбке. После чего вновь переключилась на городскую суету. Ничего занимательного за окном не происходило. Впрочем, и суеты никакой не было: горожане устали от непогоды и желая поскорее укрыться в собственных теплых квартирах, поэтому вальяжно прогуливались по тротуарам, невзирая на высокую влажность, испарения и духоту.

И вдруг Дарья вздрогнула, ее взгляд оживился.

- Коля, притормози, - попросила она водителя и положила руку ему на плечо. Тому пришлось проехать некоторое расстояние и припарковаться на обочине.

Интерес Бизяевой был направлен на молодую женщину, которая толкала перед собой детскую коляску. Стройности молодой мамочки могла позавидовать любая артистка балета, находящаяся в постоянной борьбе с «лишними», как ей казалось, килограммами. Волосы девушки были стянуты в высокий конский хвост, мотыляющийся при ходьбе. Лицо было хмурым, как недавнее небо, а губы вывернуты коромыслом. Создавалось впечатление, что девушка вот-вот заплачет.

Несмотря на духоту, она куталась в теплую кофту на пуговицах, верхнюю из которых постоянно теребила, как будто именно эта пуговица могла ей помочь принять важное решение. То, что девица осмысливает что-то важное, было понятно любому стороннему наблюдателю.

Дарья спешно обулась и покинула салон автомобиля. Но сразу не бросилась к заинтересовавшей ее особе, а притаилась за толстым стволом дерева, впилась взглядом в девичье лицо, потом переключилась на детскую коляску. Когда особа отошла от Дарьи на несколько метров, решила ее окликнуть. Однако девушка не расслышала и продолжала двигаться дальше, перебирая тоненькими ножками, туго обтянутыми джинсовой тканью. Видимо, в данный момент собственные размышления занимали девицу больше всего.

Тогда Дарья Безяева припустила вдогонку, нагнала и ласково ухватила за локоть той самой правой руки, которая боролась с пуговицей. Ладонь левой руки покоилась на ручке детской коляски.

Мать ребенка повернула голову и с неудовольствием уставилась на помеху в виде статной брюнетки с короткой стрижкой.

- Аля, здравствуй, - поприветствовала статная брюнетка, - ты меня не узнаешь? Я Дарья Никитовна, мама Костика.

Алевтина Войченко осмотрела даму с ног до головы, как будто та пришла наниматься на работу в качестве манекенщицы, потом растянула губы в сдержанной улыбке и тщательно выговорила:

- Здравствуйте, Дарья Никитовна.

- Это твой малыш? – спросила Безяева, пытаясь заглянуть в коляску, где тихо посапывал младенец.

- Это моя дочь... Моя и Костика.

- Когда я тебя увидела, то так сразу и подумала, - настороженно произнесла Дарья, позволив визави усомниться в ее словах. Вид у Дарьи был не просто ошеломленный, пришибленный у нее был вид, но в глазах впервые за полгода появился робкий интерес. – Аля, почему ты ко мне не пришла? Почему не рассказала?

- А зачем? Вы всегда были настроены против меня, считали меня не парой вашему сыну... Простите... Чего уж теперь... Костика больше нет...

- Но осталась его дочь. Как ты ее назвала?

- Ее зовут Констанция.

- А фамилия?

- Фамилия, естественно, моя – Войченко... Извините меня, Дарья Никитовна, но я спешу.

- Аля, погоди, мне нужно многое тебе сказать... Я хочу извиниться перед тобой.

Аля не уходила и ничего не говорила в ответ, как бы предоставляя право высказаться женщине, бабушке ее дочери с редким именем Констанция.

- Кроме внучки и тебя у меня никого нет. Я знаю, ты любила моего сына, и он тебя любил... Я уверена, что Костик одобрил бы то, что я тебе скажу...

Безяева замолчала, не договорив, как будто пока не приняла окончательного решения. Алевтина переминалась с ноги на ногу, неустанно откручивая пуговицу, удивлявшую надежностью пришития. Так и не дождавшись продолжения, молодая мать решила снова попрощаться. И Дарья затараторила:

- Я хочу, что ты и Констанция переехали в мой дом. Я очень надеюсь, что ты примешь мое предложение. Для меня это очень важно.

Аля свела брови на переносице, недобро взглянув на женщину, перевела взгляд на коляску, в которой мирно посапывала малютка. Складка между бровями разгладилась, губы тронула мягкая улыбка.

- А знаете что, Дарья Никитовна, - нерешительно пробормотала Алевтина, - наверное, я соглашусь. Но только ради дочери: жить с отцом-алкоголиком стало невыносимо, а квартирка у нас маленькая.

- С каким отцом-алкоголиком? – с трудом шевеля непослушными губами, спросила Дарья, мысленно предположив, что ее водят за нос.

- У меня отец-алкоголик. Мать давно умерла.

- Костик что-то говорил... Говорил, что ты живешь с отцом, но я не знала, что он злоупотребляет...

- Еще как, - печально вздохнула Алевтина.

- Аля, когда вы переберетесь ко мне? Мой водитель, Николай, подъедет и поможет с вещами.

- Да, хоть сегодня... Но прежде я хочу... кое в чем признаться, - шепотом сообщила девушка и придвинулась поближе к Дарье. Та непроизвольно отпрянула и подумала: никакого родственного чувства к матери внучки не появилось. Увы, эта молодая женщина ей по-прежнему глубоко несимпатична. Но ради внучки она готова вытерпеть кого угодно, даже вздорную обезьянку.

- Что за тайна? – беспечно-напускну поинтересовалась Безяева, кося глазом на водителя Николая, околачивающегося неподалеку.

- На самом деле меня зовут Агриппина. Глаша. Костик предложил назваться мне Алевтиной при знакомстве с вами, потому что имя Агриппина вызывает у вас негативные ассоциации.

- Костик... так... сказал? – удивилась женщина, упрятав брови под взбитую челку. – Это очень странно, моему сыну претила всякая ложь, я сама воспитала его таким, - задумчиво протянула она. – Я ничего не понимаю. Имя Агриппина никаких негативных ассоциаций у меня не вызывает по одной причине, что в кругу моих знакомых не было никаких Агриппин... А почему Глаша? Насколько я знаю, Глаша – это Глафира, а никак не Агриппина...

- Так меня дома зовут с детства, - пояснила девушка, собралась с духом и заявила, - у Костика не спросишь, почему он меня об этом попросил. –

Сказала и смахнула набежавшую слезинку. Дарья закусил губы, чтобы не расплакаться. Потом отвлеклась на внучку.

- Сколько ей?

- Месяц. Она родилась семимесячной... Если вас терзают сомнения, то я могу подтвердить документально, что... девочка родилась семимесячной. И вы вправе провести экспертизу ДНК, - с вызовом проговорила молодая мать.

- Я тебе верю, - пробормотала Дарья, впрочем, уверенности в ее словах не было...

Она подумала: все-таки Костик называл девушку кристально-честной, поэтому – прочь сомнения!

- Спасибо на добром слове, - промямлила Войченко в ответ на заверения Безяевой.

- И все-таки я не понимаю, Аля... ой, извини, Глаша, почему ты не пришла ко мне и не рассказала о том, что ждешь ребенка от моего сына? Неужели ты могла допустить мысль, что я откажу тебе в помощи, что не поддержу тебя?

- Дарья Никитовна, я уже всё объяснила. Уж извините за резкие слова, но я о вас, вообще, не думала. Я думала о бедном Костике и о своем будущем ребенке.

- Как ты ее называешь? - с умилением глядя на внучку, спросила новоявленная бабушка.

- Коня. Конечка.

- У нее все в порядке со здоровьем? Я почему спрашиваю – у тебя был сильный стресс, он мог отразиться на будущем ребенке.

- Слава богу, со здоровьем у Кони все отлично. Она спокойный ребенок. Ест и спит. Если бы папочка не трепал мне нервы, было бы все хорошо.

- Теперь у вас с Конечкой будут все условия для спокойной жизни. Мы найдем няню, а ты можешь заниматься своим любимым делом – живописью. Ты взяла академический отпуск?

- Я забросила учебу. Не хочу возвращаться к живописи. Нет вдохновения и, наверно, уже не будет.

- Не надо быть такой категоричной, жизнь продолжается...

В тот же день, вечером, Глаша с Коней на руках входили в дом Дарьи Никитовны Безяевой. Позади тащился водитель Коля с баулами.

Хозяйка дома встретила новых жителей букетом цветов и жаркими объятиями. Глаша так растрогалась, что пустила слезу. Сразу проснулась Коня и огласила дом задорным криком.

Домработница Анна Ивановна взяла малышку на руки, полюбовалась и восхищенно сообщила:

- Как на Костика похожа!

- Разве? - удивилась бабушка. – А мне показалось, что Коня похожа на свою мать, - осеклась под взглядом Агриппины и пробормотала, - от Костика тоже что-то есть... неуловимое...

Благодаря обширным связям Безяевой у внучки в свидетельстве о рождении появились новая фамилия и новое отчество. Теперь она стала Констанцией Константиновной Безяевой.

Дарья намекала Глаше на смене заодно и имени, но та осталась непреклонной – Констанция и точка.

Ладно, вырастет девочка, сама разберется, как ей называться, - подумала вполне счастливая бабушка. - Конечно, боль утраты никуда не ушла и никогда не уйдет, но только внучка, ее родная кровь, способна вырвать ее из тихого омута бессмысленности.

Будем жить, будем помнить, - именно с этой фразы начинала свой новый день Дарья.

Однажды в доме появился бывший гражданский муж Данила Пупков. Он опять говорил о любви, о совсем желании всегда быть рядом. Женщина слушала его вполуха, улыбалась каким-то своим мыслям.

- Даша, ты меня совсем не слушаешь, – обиделся мужчина. – Ты влюбилась? Ты нашла мне замену?

- Данила, мне никто не нужен. Никто. Ни ты, ни какой-то другой мужчина. Теперь у меня есть внучка. Это такое счастье, Данила, видеть, как она каждый день меняется. Сегодня она мне улыбнулась. Представляешь?!

- Внучка? – опешил мужчина. – Откуда она взялась?

Дарья поведала историю случайной встречи с Агриппиной-Алевтиной.

- И ты ей сразу поверила? – выслушав, спросил Данила.
- Потому что по срокам всё сходится. И Глаша не из тех, кто будет крутить любовь с двумя сразу. Ты сам утверждал, что она приличная девушка. Помнишь?
- Помню, конечно. Но у тебя на ее счет было иное мнение.
- Ошибочное, заметь. Я тоже человек со своим чувствами и предпочтениями. Я тоже могу ошибаться. Думаю, кого бы ни привел в дом мой сын, мне всё было бы ни в масть.
- Это верно. А где твои новые жильцы?
- Моя внучка и Глаша, ты хотел сказать? Коля повез их в город, Глаша хочет купить комбинезончик для девочки.
- За твои деньги, естественно.
- Мы - одна семья.
- Даша, я не хочу...
- Не хочешь и не надо, - не позволила ему договорить Безяева. – И вообще, Даня, тебе пора.
- Я бы хотел остаться.
- Ни тебе это не нужно, ни, тем более, мне.
- Не пойму, почему ты мне не веришь? Я тебя люблю, Даша. Я хочу быть рядом.
- Я этого не хочу. И я тебя не люблю.

Дарья Никитовна лгала себе, лгала бывшему любовнику – она по-прежнему его любила. Думала о нем. Мечтала. Но почему-то опять отвергла...

Когда Данила ушел, в гостиной появилась Анна Ивановна. Она давно стала членом семьи, поэтому могла себе позволить «топтаться грязными валенками по коврам».

- И зачем он приходил? Опять уговаривал выйти за него замуж?
- Опять, - тихо вымолвила хозяйка дома.
- А ты, Дарья Никитовна?

Та лишь отмахнулась.

- Не переживай, встретишь ты своего мужчину. Данила – не твой человек.

- Тебе-то откуда знать?

- Со стороны виднее. И живу я давно, многое на своем веку перевидала... Да ты плачешь, что ли, Дарья Никитовна?

Дарья смахнула ладонями слезы и сказала:

- Видел бы, Костик, какая у него растет замечательная дочь. Странно, что он не сказал о беременности Али... Тфу ты, Глаша. Постоянно путаюсь.

- Наверное, откладывал признание до лучших времен... Может, боялся, может, переживал, чтобы потом поставить тебя перед фактом – мол, всё, поженились, Глаша ждет от меня ребенка. Или сообщил бы после родов. И никуда бы ты, Дарья Никитовна, не делась, приняла бы невестку с дитем на руках как миленькая.

- Приняла бы, и Костик был бы жив.

- Ладно теперь, чего уж, - скороговоркой проговорила Анна Ивановна Пекарь, незаметно избавляясь от бегущих по щекам слез.

- Ань, а как тебе Глаша?

- Тихая девочка. Хорошая. Старается мне помочь. И дочку очень любит. Думаю, наш Костик в дурную бы не влюбился.

- Вот и я так думаю, - искусно пряча собственное мнение о матери своей внучки проговорила хозяйка дома. И добавила, - гордая она, Глаша. Если бы случайно не столкнулись на улице, так бы и мучилась с отцом-алкоголиком, терпела нужду.

- Чему быть, того не миновать...

Вечером приехал водитель Николай и сообщил: Глаша попросила заехать к отцу – дескать, волнуется за него, и не зря: у отца случился сердечный приступ, вызвали «Скорую».

Николай хотел дождаться медиков, но Глаша сказала, чтобы он отправлялся к Дарье Никитовне и обо всем ей рассказал. А она, Глаша, останется ночевать у отца. Так водитель и поступил.

Дарья не решилась донимать Агриппину телефонными звонками, почитала книгу и легла спать.

Утро выдалось солнечным и безветренным. В саду пели птицы, где-то далеко лаяла вздорная собачонка, которая в итоге умаялась и смолкла, предоставив возможность наслаждаться залиvistыми трелями пернатых, которые радовались последним погожим денькам.

Дарья улыбнулась своему отражению в зеркале, но улыбка мигом сползла с ее уст: трагедия никак не отпускала. По устоявшейся за полгода традиции женщина отправилась в мансарду, в комнату сына, чтобы посидеть в тишине и мысленно пообщаться с Костиком. Едва она распахнула дверь, в глаза бросилась любимая чашка сына. Чашка стояла на его рабочем столе, от чашки вился пар. На негнущихся ногах Даша добралась до стола и заглянула в чашку. На поверхности чая плавал кружок лимона. Чай с лимоном – любимый напиток Костика. Чашка с чаем – допитым или недопитым - постоянно стояла у сына на столе... До трагедии... И вот...

Зачем-то Дарья приложила ладонь к чашке – горячая. После чего непроизвольно осмотрелась, но ничего «из ряда вон выходящего» не заметила. Всё в комнате было как обычно, с важным уточнением – как обычно после гибели сына.

Безяева не удержалась, присела и заглянула под кресло. Под креслом живописной кучкой лежали мужские носки – еще одна вредная привычка Костика. Он любил разбрасывать носки по комнате, особой популярностью пользовалось удобное кресло, низкое, потому под ним не сразу заметишь непорядок.

Дарья Никитовна попятилась, выпорхнула из комнаты, плотно прикрыла дверь и прижалась к ней спиной. Некоторое время пыталась отдышаться и уgomонить сердце, которое встревоженно билось в груди подобно свободолубивой птице в клетке.

У Дарьи появилась разумная мысль - еще раз наведаться в комнату и убедиться в появлении галлюцинаций: с кем не бывает, тем более, когда хочешь выдать желаемое за действительное. Однако она не стала этого делать. Мысли убежали в другую сторону.

Вдруг мой сын жив? – рассудила мать. – Вдруг вместо Костика похоронили другого человека? Этот человек напал на сына, украл наручные часы и

цепочку, по которым она опознала якобы погибшего, и угнал его мотоцикл. Именно грабитель, а не Костик, не справился с управлением и погиб.

Тогда где Костик? – мысленно спросила у себя Дарья Никитовна. И быстро нашла ответ - выбрала из всех других, менее ей подходящих: сын получил серьезные увечья и черепно-мозговую травму после нападения неизвестного, ныне покойного. Костика обнаружили грибники в лесу, к примеру... В тяжелом состоянии он был доставлен в ближайшую больницу... Где-то за пределами города. Документов при нем не было. Полицейские проверили, не числится ли пострадавший в розыске – не числится. Решили оставить всё как есть до тех пор, пока к пострадавшему не вернется память.

И что дальше? – призадумалась Даша. – А дальше память к сыну возвращается. Он не может понять, почему мать его не ищет? И приходит к неутешительному выводу: раз сын играет не по ее правилам, то он ей не нужен. Обида повернула мозги набекрень. Лежа на больничной кровати он продолжает изображать беспмятного больного и разрабатывает план мести своей жестокой матери.

Явно повредился рассудком: ранее за ним ничего подобного не наблюдалось.

Вопрос: известно ли Глаше, что Костик жив? Насколько Дарья понимает в людях, скорее – нет, чем да. Глаша не гениальная актриса, чтобы так умело изображать трагедию вселенского масштаба. Глаша не выпячивает горе, она его прячет, но глаза, как известно, зеркало души.

Итак, что мы имеем? Мы имеем доказательство того, что сын жив, что он взбешен и совершает глупые поступки, желая отомстить бессердечной матери-эгоистке.

Логика, скажем честно, так себе. Но матери очень хотелось уцепиться за любую тростинку, чтобы выползти на поверхность болота, засасывающего ее глубже и глубже, и вдохнуть полной грудью. Почувствовать себя счастливой. По-прежнему счастливой!

Логика была разбита в пух и в прах пока Безяева спускалась по лестнице: с головой у Дарьи не возникло проблем, несмотря на тревоги последнего полугодия.

И слишком хорошо мать знала своего сына...

Хорошо... Однако люди меняются под действием обстоятельств или... благодаря «чуткому руководству», желающему войны, а не мира. Как-то так она выразилась в тот роковой день. А Костик сбежал...

Кто его надоумил довести мать до сумасшествия? Неужели все-таки Глаша? Она то самое «чуткое руководство»? Других кандидатур нет...

Или... кто-то оказался рядом с Костиком в тяжелое время, кто-то о нем заботился, кто-то его выхаживал. Он проникся. Он полюбил. Женщина завладела его сердцем пока он был человеком без прошлого. Она влюбила его в себя, а, узнав, что он сын богатой маменьки, возжелала устранить маменьку, чтобы та не стала между ней и ее сыном, потому как подобный прецедент имел место быть: Костик рассказал, когда память к нему вернулась.

Дарья Никитовна зашла в столовую и непонимающе уставилась на пустой стол. Всегда стол был накрыт к завтраку в положенное время – так заведено на протяжении многих лет, но не сегодня. Из кухни не доносилось никаких привычных звуков. Только сейчас хозяйка сообразила, что в доме повисла пугающая тишина.

Даша устремилась в комнату домработницы Анны Ивановны. Рука, сжатая в кулак с выставленным дугой указательным пальцем, повисла в воздухе. Стучать Дарья не решилась. Взялась за ручку двери, но передумала входить без приглашения... А если... Нет, с Анной всё в порядке, она крепко спит... Дарья приложила ухо к двери и прислушалась. Ни единого звука, ни шороха, ни храпа – Анна этим грешила, чего уж. Может быть Анна на что-то обиделась и ушла, ничего не сказав? На нее это совсем непохоже.

Безяева совладала с бьющимися через край эмоциями и чуть-чуть приоткрыла дверь. В узкую щель не попала кровать домработницы. Тогда Дарья распахнула дверь шире и просунула голову.

Анна Ивановна лежала на кровати. Ее глаза были закрыты, а грудь приподнималась при дыхании.

Дарья проникла в спальню и приблизилась к спящей. Не стала тормозить Анну и пугать, а ласково положила ладонь на кисть ее руки, вытянутой вдоль туловища, и тихо обратилась:

- Анна Ивановна, доброе утро.

Женщина открыла глаза и соловело уставилась на хозяйку.

- Который час? – хриплым голосом спросила домработница.
- Вы проспали? – вопросом на вопрос ответила Даша.
- Я проснулась как обычно – в шесть. Поднялась с кровати и чуть не упала – так сильно закружилась голова. Я решила – давление подскочило. Выпила лекарство и прилегла. Не заметила, как заснула... Дарья Никитовна, я сейчас, сейчас поднимусь и приготовлю завтрак.
- Нет уж. Я сама себе приготовлю завтрак. Но сначала вызову врача.
- Я тебя умоляю – не надо врача. Я сама все знаю про свое здоровье. Видимо, переборщила с дозой, давление сильно упало, вот и я... прикорнула.
- Ага, сейчас выпьешь крепкого кофе и всё встанет на свои места. Плавали, знаем, - с иронией заметила Безяева.

Анна Ивановна села на кровати, прислушалась к себе и протянула:

- Кажется, голова в порядке – не кружится.
- Может, хватит шутки шутить со здоровьем?
- Я вообще не люблю мусолить эту тему. Меньше говоришь о болячках, лучше себя чувствуешь, дольше живешь.
- Эх ты, философ-самоучка...
- А ты, Дарья Никитовна, как-то не так сегодня выглядишь. Что-то случилось?
- Не знаю, может и случилось, - со вздохом заметила хозяйка. И решилась, - Анна Ивановна, хочу тебе кое-что рассказать.

И она рассказала о своих находках в комнате сына, заодно присовокупила собственные выводы.

Никаких эмоций на лице домработницы не отразилось. Она накинула халат на ночную сорочку и неспешным шагом потопала в мансарду. Дарья потянулась за ней, размышляя, увидит ли Анна то, что увидела она. Или у нее, несчастной матери, разыгралось больное воображение? Она медленно сходит с ума, что не удивительно после перенесенного стресса?

Чашка по-прежнему стояла на столе. Носки возлежали под креслом. Разница была в одном – чай успел остыть.

Дарья посверлила взглядом чашку, схватила ее и принялась пить чай.

- С ума сошла! – возмутилась Анна и выхватила из ее рук чашку. - Вдруг в чае какая-то отравка? Не подумала?

- Кому нужно меня травить?

- А кому нужно устраивать это представление? – парировала домработница.

- Думаешь, это...

- Представление! – не дала ей договорить Анна. – Я тебя понимаю, Дарья Никитовна, самое горячее твое желание - чтобы Костик был жив.

Дарья глубоко вздохнула. Голова поникла.

- Кому это нужно? – выдавила она из себя после короткой паузы, во время которой домработница достала мужские носки и засунула их к карман собственного халата. Чашку она попыталась спрятать за спину, чтобы та не мозолила глаза несчастной матери.

- Как говорят следователи – ищи, кому это выгодно, - резонно заметила Анна Ивановна.

- И кому же? – щуря глаза, спросила Дарья.

- У меня такой вопрос: ты завещание составила? О прежнем я знаю, в нем все твое имущество отходило сыну Константину и кое-что гражданскому мужу Даниле Пупкову. Я говорю о новом.

- Тебе тоже кое-что перепадет, - пробормотала Дарья, проигнорировав вопрос.

- Спасибо, конечно, но мне лучше, если работодатель жив. Тем более такой, как ты, Дарья Никитовна. Мы почти одна семья, ты ко мне относишься так, как некоторые не относятся к своим родителям.

- Спасибо.

- Мне-то за что.

- За преданность.

- Кто у тебя остался из близких? - вернулась к прежней теме домработница. - Только внучка Коня. Вот на нее и надо переписать завещание. Живи долго, Дарья Никитовна, но в жизни, сама знаешь, случиться может всякое, причем неожиданно.

- Так ты предполагаешь, что ВСЁ ЭТО устроил Данила? – с придыханием произнесла Безяева. – Хочет загнать меня в гроб пока я не переписала завещание?

- Ты ключи от дома у него забрала?

- Нет.

- Вот тебе и ответ на твой вопрос. Про старое завещание ты правильно сказала – это мотив. Вот не будет мотива, он тотчас угомонится. Только надо сегодня же поехать к нотариусу, составить новое завещание и обязательно сообщить об этом Пупкову. Пусть позеленеет от злости.

Дарья не сказала ни слова. Развернулась и покинула комнату, некогда принадлежащую ее сыну.

В этот день она не поехала к нотариусу.

А на следующий день поутру увидела кроссовки сына. Кроссовки вольготно расположились слева от входной двери в привычной «первой балетной позиции». На полке бодрым грибком стоял рюкзак Костика, который он забыл дома в день трагедии.

Дарья долго переводила взгляд с кроссовок на рюкзак, с рюкзака на кроссовки. От ошалелого изучения обстановки ее отвлек голос домработницы.

- Когда увидела, хотела прибрать, чтобы ты не расстроилась. А потом...

- А потом подумала, что мне нужно это увидеть, чтобы сделать правильный вывод, - договорила за нее хозяйка. – Я вчера разговаривала с Данилой. Он клянется и божится, что это не его проделки.

- Ты ему поверила?

- Не знаю,- после паузы ответила Безяева и направилась в столовую.

Анна Ивановна подала завтрак. Дарья взяла ложку и принялась водить по тарелке с манной кашей.

- Вот ты меня не слушаешь, - затянула Анна, - а зря. Я тебе добра желаю, люблю ведь тебя, как родную. – Женщина смахнула слезу и вышла из столовой, шмыгая носом.

Вернулась с кофейником и принялась наливать кофе в чашку.

- Глаша не звонила? – спросила Дарья.

- Звонила. Сказала, отец от госпитализации отказался. Говорит, хочу умереть дома.

- Что, он так плох?

- Ой, не знаю. Глаша не показалась мне сильно расстроенной. И не потому, что бесчувственная, а потому что он, с ее слов, каждый раз умирает, потом оживает, какое время держится, потом снова уходит в запой. Бедная девочка с ним измучилась. Но что поделать – родной отец...

Очередное утро преподнесло сюрприз в виде записки. На стикере-самоклеяке веселенького салатного цвета было спешно выведено рукой Костика: «Мам, буду в восемь. Люблю!» Стикер лепился к краю монитора.

Дарья пошатнулась, но удержалась на ногах. Склонилась над столом и несколько раз перечитала записку. Затем отлепила ее от монитора и засунула в карман. Какое-то время постояла в полной задумчивости, потом решительно покинула мансарду и укрылась в своей комнате. Снова и снова перечитала записку, как будто та содержала в себе некий шифр, к которому необходимо найти ключ.

От своих прежних домыслов женщина окончательно отказалась после разговора с Данилой Пупковым, который, будто бы, ничего особенного ей не сказал и подсказок не дал. Без всяких эмоций заключил:

- Не могу поверить, что ты сама могла до такого додуматься.

- Я просто спросила, ты это или не ты.

На этом они расстались. Кажется, навсегда.

Накануне вечером Дарья Безяева отправилась к дому, где еще недавно проживала Глаша вместе с новорожденной дочерью и отцом-алкоголиком и где временно обосновалась сейчас по причине нездоровья отца. Николая она отпустила, клятвенно пообещав, что доберется до дома без приключений.

Даша сидела в автомобиле и бездумно пялилась на окна интересующей ее квартиры. Квартира располагалась на первом этаже. Плотных штор на окнах не было, только прозрачный тюль, поэтому она могла наблюдать за домочадцами. Глаша перемещалась по комнате с малышкой на руках, потом

уложила девочку в кровать, выключила верхний свет и вышла. Вскоре появилась в кухне и взялась потчевать ужином отца - неухоженного мужичонку с редкими космами седых волос. Лампочка Ильича ярко освещала кухню, поэтому Дарья могла наблюдать за чужим бытом. Отец и дочь вели непринужденную беседу. После ужина Глаша принялась мыть посуду, а ее отец появился возле подъезда. Выкурил сигарку и вернулся домой. Вскоре свет везде погас.

Выходит, Глаша дома, по чужим домам ночами не шастает – боится оставить ребенка под опекой сомнительной «няньки», поэтому жесткие «розыгрыши», способные довести до умопомрачения, не устраивает.

Если ни Глаша и если ни Данила, то кто?

Над этим вопросом Дарья билась-билась и ответа не нашла, потом посмотрела на часы, охнула и покатила к родному дому. Добралась далеко за полночь, без происшествий.

И утром получила очередной привет с того света – в виде записки. Хоть писано послание рукой сына и адресовано ей, но «контрольного выстрела в голову» не сделано. Хотя и не дало подсказки. Но это дело времени.

А если ли у меня время? – задумалась Дарья. – Пора разбираться с тайным противником. И чем скорее, тем лучше... Или надо начать с нотариуса? Прямо сейчас поехать и переписать завещание?

Безяева прислушалась к себе. Никакого желания ехать и переписывать не появилось. Она снова сосредоточилась на записке.

С памятью у Дарьи никогда не было проблем. Вот и сейчас, перечитав короткую записку несколько раз, ей показалось, что когда-то давно она уже держала эту записку в руках, когда-то читала этот короткий текст и светилась от счастья. Как давно это было и как недавно. Самое ужасное, что ЭТО никогда не повторится. Сын не признается в любви, не сообщит о часе своего возвращения...

- Костик, милый мой, хороший, - прошептала мать. – Как же я тебя люблю... Как же мне тебя не хватает...

Не время распускаться, - в очередной осадила она себя. – Вокруг меня ведется непонятная игра, я обязана разобраться, чтобы жить дальше и воспитывать внучку... Надо поехать к Даниле и посоветоваться с ним – одна голова хорошо, а две лучше. Как ни крути, но ближе него у меня никого нет. И

что бы ни говорила о нем Анна Ивановна... Ой, пусть ее слова останутся на ее совести.

Дарья отказалась от завтрака. Вышла из дома и села в поджидавший ее автомобиль. Коля захлопнул дверцу, занял свое место, и машина покатила к воротам. Выкатилась наружу и замерла перед препятствием в виде другого автомобиля. Из салона тут же появился бывший гражданский муж Данила Пупков и направился к Дарье.

- На ловца и зверь бежит, - не удержалась от реплики Безяева, с некой опаской взглянув на мужчину, бросившего свое накачанное тело рядом с ней.

- Надо поговорить, - брякнул он, не удосужившись поздороваться.

- Хорошо. Где будем разговаривать? Здесь? Или пойдем в дом?

- Нет, лучше пересядем в машину моего друга.

Свое отношение к предложению Данилы водитель Коля выразил сложенными домиком бровями – удивился. Дарья заметила сей факт в зеркале и подумала: а что я, собственно, о нем знаю? Вдруг это его проделки?

С этими мыслями она переместилась в чужой автомобиль, за рулем которого сидел незнакомец, с виду добродушный дядька с глубокими залысинами, приплюснутым носом и большим ртом. Почему-то Аркадий Лютый – так представил его Данила - сразу вызвал у Даши симпатию.

- Аркадий - школьный друг моей старшей сестры. Он частный детектив, - доложил Данила.

Дарья знала о существовании старшей сестры, но никогда с ней не встречалась. У сестры с братом была значительная разница в возрасте. Она вышла замуж за военного, много лет следовала за ним по разным гарнизонам, после ухода мужа в запас они перебрались в Калининград.

– Скажу честно, недавний разговор с тобой меня сильно встревожил, - признался Пупков. – Я решил разобраться во всей этой катавасии, которая происходит вокруг тебя. За помощью обратился к профессионалу. Аркадий, тебе слово.

- Неужели вам понадобилось всего пара суток, чтобы найти злодея? – не поверила Дарья.

- Злодейку! – выпалил Аркадий, не сдержавшись. Поостыл и заявил, - а насчет суток это вы правильно заметили – когда есть работа, нет времени на сон и отдых. А теперь по порядку.

- Может, лучше с конца? – вставила Безяева. – Кто же злодейка?

Аркадий Лютый усмехнулся и сказал:

- С конца, так с конца. Как оказалось, ключевую роль в этом деле играет... ваша домработница, Анна Ивановна Пекарь. Эта женщина приходится родной теткой Алевтине и Агриппине Войченко, она старшая сестра их покойной матери.

- Я что-то не п...поняла... - заикаясь, проблеяла Дарья. - Вы сказали - Алевтине и Агриппине? Я не ослышалась?

- Не ослышались.

- Но вы что-то путаете...

- Даш, дай человеку высказаться, - перебил ее Пупков.

- Это две сестры. Они близнецы. Алевтина скончалась от врожденной болезни сердца спустя месяц после гибели вашего сына Константина. Сказался сильный стресс и переживания. Осталась сестра Агриппина.

- Алевтина, невеста моего сына, умерла? – не поверила Дарья Никитовна. Сыщик утвердительно кивнул. - Выходит, я приняла Агриппину за Алевтину... Выходит, она нарочно выдала себя за сестру, чтобы... обеспечить будущее своей дочери, к которой мой сын не имел никакого отношения.

- В твоём голосе я слышу нотки оправдания, - вставил неугомонный Данила. Дарья ничего не ответила, а частный сыщик продолжил:

- Вы правы, дочь Агриппины, Констанция, к вашему сыну никакого отношения не имеет. У Агриппины был молодой человек. Как часто бывает, он узнал о беременности своей подруги и исчез. Делать аборт было поздно, пришлось рожать. Девочка родилась семимесячной. Тетка Аня постоянно помогала материально и размышляла о будущем своей племянницы. Тетке очень хотелось, чтобы та жила счастливо и обеспеченно. Но кому нужна молодая мать с младенцем на руках посредственной наружности? Даже отец ребенка, тоже не первый парень на деревне, и тот от нее отказался. А Глаша его очень любила, и любит по сей день. Мечтает, чтобы он к ней вернулся...

- Отсюда и печаль во взгляде, - вставила Безяева.
- Как можно осуществить заветную мечту? – между тем продолжил сыщик. – Только с чужой помощью.
- Расчет был, естественно, на меня.
- Естественно! В голове тетки родился дерзкий план. Надо всего лишь, чтобы ее работодательница, сама увидела «невесту» сына с ребенком, и сама пригласила бы в свой дом. Анна Ивановна знала, по какому маршруту вы следуете. На протяжении нескольких дней Глаша прогуливалась по тротуару с детской коляской, пока не попала в объектив вашего внимания. Конечно, вы приняли Глашу за Алевтину, ведь девушки очень похожи, хотя, незначительные отличия есть. Но вы видели Алевтину всего пару раз...
- Да, два раза – когда Костик нас знакомил, и... на... похоронах.
- Тетке и племяннице необходимо было вас убедить в составлении нового завещания. С этой целью они хотели убрать из вашей жизни единственного преданного вам человека. Не убрать в прямом смысле этого слова, а оклеветать...
- Они поступили жестоко, - как-то безразлично заметила Дарья.
- Даш, я тебя люблю и не дам тебя в обиду, - с чувством произнес Данила и обнял за плечи.
- Это я уже поняла, - прежним безэмоциональным голосом сказала женщина, пристроила голову на мужском плече и пробормотала, - неужели они хотели свести меня с ума?
- Скорее всего, - кивнул частный сыщик. - Но сначала - новое завещание.
- А потом?
- Не думаю, что на этом они бы угомонились. Жестокие розыгрыши продолжились, в итоге вы оказались бы в психиатрической клинике...
- Или на кладбище, - продолжила Безяева. - А всё мое движимое и недвижимое имущество досталось бы малолетней внучке, опекуном которой стала бы мать до ее совершеннолетия.
- Идеальный вдохновитель, гражданка Пекарь, тоже не осталась бы в стороне, она дамочка корыстная и хитрая.

- Если честно – я не удивлена, - после паузы призналась Дарья. - В последнее время домработница слишком навязчиво демонстрировала свои «родственные» чувства. Ее постоянные разговоры о новом завещании заставили меня призадуматься. Когда человек слишком напорист в своих предложениях, это повод отказаться.

Дарья достала из кармана пиджака записку и показала Даниле. Тот прочел и передал записку Аркадию.

- Это писал ваш сын? – спросил он.

- Да, - кивнула Безяева. – Анна заигралась, рассчитывая на то, что «моя крыша уже начала движение», и я не замечу очевидных вещей.

- Я помню эту записку, - заявил Пупков. – Костик писал ее в первых числах января, на зимних каникулах. Написал и приклеил к холодильнику.

- Так и было. Записка находилась на холодильнике несколько дней, потом исчезла. Теперь я знаю: Анна ее сняла и зачем-то сохранила. Неужели она... заранее все обдумала? Она... виновна в гибели Кости?

- Уверен, что нет, - ответил Аркадий. – Я смотрел уголовное дело, которое было заведено, а потом закрыто в виду отсутствия состава преступления. Причина гибели вашего сына – человеческий фактор и погодные условия.

- Кстати, о пропавшей картине, - поспешил Данила перевести разговор на другую тему. – Копию картины, как ты и предполагала, написала Алевтина. Она приходила в твой дом, когда никого, кроме тетки, не было дома. Тетка создавала ей все условия для плодотворной работы. Алевтина, надо признать, была не бесталанной художницей. Когда она пришла в гости в первый раз и увидела на стене картину, не подозревая, кисти какого знаменитого художника она принадлежит, то сразу загорелась желанием сделать копию, так сказать, попробовать свои силы. У нее получилось весьма недурно. Тетка Анна уговорила племянницу подарить ей работу, а взамен обещала свое содействие в налаживании отношений между тобой и ею. Ничего не подозревающая Алевтина согласилась.

- Откуда это известно? – недоверчиво поинтересовалась Дарья.

- Агриппина честно во всем призналась, - ответил Аркадий. - С утра мы с Данилой успели к ней навеститься и провести беседу.

- Племянница с легкостью выкопала яму своей хитромудрой тетушке, - вставил Данила.
 - Анна подменила подлинник на копию, - продолжил сыщик. - А подлинник продала. Истинная цена произведения искусства ей была не известна. Покупатель сообразил, что имеет дело с непрофессионалом, и вручил ей смехотворную сумму.
 - Думаю, нам удастся выйти на покупателя и вернуть тебе картину, - успокоил Пупков.
 - Я не хочу... Мне это не нужно... Картина всегда будет мне напоминать о размолвке с сыном в тот страшный день... Не хочу...
 - Ты можешь ее продать.
 - Не хочу... Ничего не хочу.
 - А наказать людей, которые...
 - Я выброшу их из своей жизни. И постараюсь забыть обо всем.
 - Они должны понести заслуженное наказание, - нахмурился Аркадий.
 - Не хочу.
 - Вот заладила – не хочу, не хочу. Даша, так нельзя, - с укоризной заметил Данила.
 - Хочу жить дальше с памятью о сыне. Хочу... выйти замуж за любимого человека и родить ему ребенка. Я еще не слишком стара для рождения детей, а, Даня?
 - Ты молода и прекрасна! Ты самая лучшая женщина на свете!
- Даша грустно улыбнулась. Данила опомнился:
- Надеюсь, любимый человек... это... я?
 - Это ты, - подтвердила Дарья...

Февраль 2021г.